

²⁰ Тур Е. На рубеже // Русский вестник. 1857. № 21. С. 38.

²¹ Там же. № 20. С. 38.

²² К пушкинскому тексту восходит, например, мотив покая и воли, правда, связанный с женским персонажем: «...я устала, я хочу спокойствия, уединения, воли» (Тур Е. На рубеже // Русский вестник. 1857. № 21. С. 53). См. также реплику героя: «„Знаете ли что? Я начинаю думать, что вы не стоите любви. Помните эти стихи Пушкина:»

Так неприступны, так горды,

Так благочестия полны,

Что вид их уж рождает сплин⁴» (Там же. С. 61)

и диалог между Татьяной и ее кузеном, который высокомерно отзывается о Федоре Павловиче: «— Уездных барышень кумир, как сказал Лермонтов.

— Пушкин, cousin.

— Положим, и Пушкин, это все равно» (Тур Е. На рубеже // Русский вестник. 1857. № 22. С. 337).

УДК 821.161.1.09-3-95+929 [Писемский+Авдеев]

СТАТЬЯ О «ПОДВОДНОМ КАМНЕ» М. В. АВДЕЕВА И ВЗГЛЯДЫ А. Ф. ПИСЕМСКОГО НА «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС»

О. В. Тимашова

Саратовский государственный университет
E-mail: kirilif@info.sgu.ru

В статье впервые в неразрывной связи художественных образов и критических заявлений рассматривается отношение Писемского к вопросу эмансипации женщины, считавшейся современниками одной из центральных тем его творчества.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, М. В. Авдеев, критика второй половины XIX в., «женский вопрос», эстетическая программа А. Ф. Писемского.

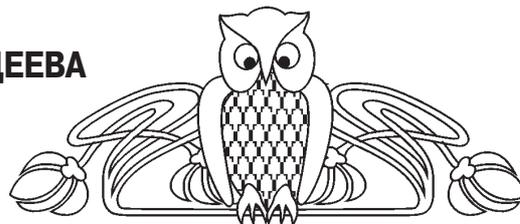
M. V. Avdeev's Article on the «Hidden Pitfall» and A. F. Pisemskiy's Views on the «Woman Question»

O. V. Timashova

In the article for the first time Pisemskiy's attitude to the issue of feminine emancipation is viewed in close connection with his artistic images and critical statements; the issue was considered one of the key themes of his works by his contemporaries.

Key words: A. F. Pisemskiy, M. V. Avdeev, criticism of the second half of the XIXth century, «woman question», A. F. Pisemskiy's aesthetic program.

Мировоззрение А. Ф. Писемского (1821–1881), одной из самых сложных фигур современной ему литературы, нашло выражение в нескольких атрибутированных¹ критических работах. Раздумья о задачах и типах художников в связи с трагической судьбой любимого учителя Гоголя, отразились в статье о втором томе «Мертвых душ»²; суждения о современной драматургии – в статьях и рецензиях времени редакторства в журнале «Искусство»³; программные журналистские концепции – в годовых объявлениях⁴; взгляды на проводимые в стране реформы – в злободневных фельетонах «Салатушки» и «Никиты Безрылова»⁵. Наконец, о «женском вопросе» писатель высказался в рецензии на популярный роман Михаила Васильевича Авдеева «Подводный камень» (1860)⁶. Однако если знаменитая статья о «Мертвых душах» широко дискутировалась и положила на-

чало полемике в критике⁷, работы, посвященные театру, изучались исследователями Писемского-драматурга⁸, годовые журнальные объявления – учеными-биографами А. П. Могиланским и М. К. Клеманом⁹, воззрения Писемского-критика на проблему женской «эмансипации» нуждаются в более пристальном изучении.

«Женский вопрос» стоял в центре целого ряда ранних (повести «Винювата ли она?», «Боярщина») и зрелых (цикл очерков «Русские лгуны», романы «Люди сороковых годов», «В водовороте») произведений Писемского. Однако уже современники отмечали, что взгляд писателя на тему женской свободы в браке противоречив. Он с сочувствием относится к героиням, ставшим жертвами семейной тирании и общественного порицания (Лидия в «Винювата ли она?», Анна Павловна в «Боярщине»). Но в его произведениях женщины, выбравшие путь «свободного» брака, неизбежно разочаровываются, а подчас гибнут (упоминавшаяся Анна Павловна, Марья в «Красавце», Елена Жиглинская в «В водовороте»). Более того, в повести «Винювата ли она?» герой-рассказчик, alter ego автора, обращается к стоящей на распутье героине с назиданием: «Крест ваш тяжел (алкоголик-муж, осуждение «света» и презрение собственной матери. – О. Т.), но вы его взяли и несите»¹⁰. М. К. Цебрикова, отдав дань сочувствию Писемского женщине, в финале своей статьи с иронией заметила, что последний неизменно обращается к своим героиням с призывом: «Бедные женщины, <...> терпите, пока есть силы, а не станет – умирайте, – так советует вам гуманный защитник ваших прав»¹¹. В дальнейшем прения о степени «эмансипированности» писателя продолжились. Так, Л. Аннинский доказывал, что репутация Писемского-вольномудца после запрета первой повести оказалась преувеличенной¹²; тогда как А. А. Рошаль, напротив, настаивает на развитии Писемским идей А. И. Герцена, что проявилось и в переключке с заглавием его повести «Кто виноват?»¹³.

Идейные истоки такой мнимой непоследовательности раскрываются при анализе рецензии Писемского на повесть популярного автора, в которой тот прямо обращается к деликатной теме фактического развода и гражданского, незаконного брака, начинающего завоевывать признание среди просвещенных «эмансипированных» интеллигентов. Герой Авдеева, Комлев, представленный носителем новейших прогрессивных убеждений, влюбляется в замужнюю женщину и мать, Наташу. Однако персонаж Авдеева категорически не желает скрепить отношения законным образом, несмотря и даже вопреки разрешению благородного мужа Наташи, Соковнина. Это решение мотивируется широтой убеждений Комлева, презирующего институт брака, что вполне разделяет его возлюбленная Наташа. После нескольких лет пребывания за границей отношения незаконной пары расстраиваются, что опять-таки не приводит к ожидаемым драматическим последствиям: преодолев очередной «подводный камень» обывательской морали, Наташа возвращается к законному сыну и мужу, который с радостью встречает любимую и не позволяет себе ни одного упрека. В этой фабуле слышны как складывающиеся идеи «новых людей» Чернышевского, так и отголоски будущего шедевра Толстого «Анна Каренина».

Писемский не преминул указать во вступлении к своей рецензии, что аналогичный сюжетный треугольник уже представлен в двух великих романах: «Евгений Онегин» и «Кто виноват?» (9,547). По мнению писателя, их развязка – отказ любящей женщины от своего чувства во имя долга и отъезд одинокого любовника за границу – есть единственный человечески и божески правильный выход из сложившейся драматической ситуации. Отгалкиваясь от этой аксиомы, дальнейшие его рассуждения призваны доказать, что привлекательные идеи новых героев, Комлева и Наташи, суть извращение естественной человеческой природы и забвение христианских нравственных норм. Более того, нарисованные оригинальные сюжетные повороты и финал являются следствием рассудочных убеждений их автора, стремления Авдеева снискать себе скандальную дешевую славу, и, следовательно, не могли существовать в действительности.

И дело не только в том, что настоящий мужчина не мог бы так быстро простить и забыть измену. Как пример абсолютного неправдоподобия Писемский цитирует кульминационную сцену повести, которую потрясенные читатели «конечно, помнят, но... не наизусть» (9,547): объяснение Наташи с мужем после объявления Комлева о любви к его жене и одновременного категорического отказа вступить в брак разводит процесс, все издержки которого благородный Соковнин готов принять на себя. Наташа потрясена независимостью и высотой целей возлюбленного; перед их задачами – создать новую форму свободных отношений мужчины и женщины – склоняется

поначалу недоумевающий Соковнин. С опорой на эту цитату, выразившую идейные позиции всех тех героев, в дальнейшем строится логика его критических рассуждений.

Писемский не преминул в острой полемической манере разбить подобную философию любви. Для этого он вступает в воображаемый спор с эмансипированными героями, задает им вопросы, которые, по его убеждению, должен был, но не задал робкий Соковнин, и моделирует ответы. «Вы исповедуете любовь для любви, – обращается рецензент к герою Авдеева, – это фраза и притом... из самых бессмысленных» (9,555). «Бессмысленность» теории свободной любви писатель развенчивает исходя из своего понимания двойственности человеческих побуждений, плотских и духовных одновременно¹⁴, согласно которым истинно влюбленный должен быть «человеком сильного организма и нормального человеческого поведения». Это убеждение в дуализме человеческой природы, в нерасторжимости инстинктов и умственных устремлений приводит к тому, что Алексей Феофилактович опровергает позицию Комлева (Авдеева) с двух направлений. С точки зрения «нормального организма», напоминает он, «поведение влюбленных... если это... сильные организмы, состоит в... не управляемой размышлением, готовности на всякое сумасбродство». Следовательно, если Комлев способен долго и красиво рассуждать о своих взглядах и чувствах, он не любит Наташу или даже не способен любить.

Муж Наташи, по мнению Писемского, должен был обратиться к любовнику с таким призывом: «Будемте бороться с предрассудками: ваш – личная... прихоть; мой – общественное мнение» (9,557). В этих словах – ядро философии Писемского. Личные чувства и побуждения, при всей их высоте, уступают перед объективным ходом вещей и требованиями общества. В данном случае практичный муж напоминает возвышенному любовнику о реалиях русской жизни: «Жене моей просто нельзя без моего согласия оставить моего дома... ну, хоть в полицейском отношении» (9,557). Речь не идет о том, что общественное мнение всегда право. Но при всем желании избежать его нельзя, формальных правил невозможно не учитывать, особенно когда речь идет о слабом, уязвимом во всех обществах существе – о женщине. В этом отношении Писемский всегда, по замечанию современников, был до «жестокости» правдив, рисуя, например, как полиция является к жене-беглянке, дабы силой вернуть ее к мужу («Боярщина») или по лживому обвинению оскорбленного обожателя героиню выгоняют со службы, заставляя с сыном умирать в холодном подвале («В водовороте»).

Решение Комлева не обременять себя формальными узами, с точки зрения той тяжести общественного порицания, которую он неизбежно возлагает на плечи своей пусть и добровольной спутницы, «отнимает у... поступка чистоту и воз-

вышность», делает героя эгоистом, превыше ставящим «личную прихоть» (9,557). Он должен был как влюбленный и как мужчина принять в соображение бытовые препятствия, пожертвовать главными идеями, дабы оградить любимую женщину от излишних страданий. Любопытен пример, который приводит Писемский в обоснование своей точки зрения о необходимости поступиться предрассудками ради удобства любимого существа. Писатель предполагает, что просвещенный Комлев «не любит запаха ростного ладану». Исходя из этого, он моделирует следующую безвыходную ситуацию: «...Проездом в...саратовской... степи вы сбились с дороги и замерзаете... в этом... положении вы вдруг нападаете на хутор, состоящий из одной избы, в которой только что отслужили молебен и, стало быть, накурили ладаном» (9, 556). Легко заметить, что этот с внешней точки зрения бытовой пример имеет отчетливый морально-религиозный подтекст, связанный с поговоркой: «Бежит как черт от ладана». Доводя ситуацию до абсурда, Писемский иронически предполагает, что и в описанном безвыходном положении Комлев «решился бы замерзнуть», нежели вдохнуть ненавистный для него запах. Таким образом, в конце воображаемого диалога с героем Авдеева Писемский убедил читателя, что гуманные теории, не учитывающие реалий жизни и положения конкретных людей, обращаются в свою противоположность: «Г-н Авдеев заставляет вас (Комлева – О.Т.)... действовать по внутренним побуждениям, имеющим будто бы... глубину и основательность; но это не правда: вы стоите чисто за внешность; желая ратовать против китаизма (*отсталости* – О.Т.), вы... являетесь именно китайцем... можно сказать, китайским бонзою» (9,555).

Наташу писатель не осуждает, понимая, что ее положение гораздо сложнее, чем у мужских персонажей: «Ваше “не хочу!” имеет торжественность жертвоприношения, оно равняется призыву на великий подвиг» (9,558). Писемский истолковывает ее отказ выходить вторично замуж как сознательное стремление к разрушению предрассудков: «Вы собственным примером хотите показать, что и там можно носить гордо свою голову, где другие создания вашего пола обыкновенно понижают» (9,558). Дабы реализовать возвышенные мечты, критик дает весьма практический совет: «Останьтесь при вашем “не хочу”, но не ездите... за границу...», избегая щекотливых ситуаций. Писемский четко формулирует, как поступала бы в таких условиях истинно эмансипированная женщина: «...Не употребляйте... никаких усилий скрывать... ваши... отношения к Комлеву... а между тем добейтесь уважаемого общественного положения... держите себя так, чтобы думающие о вас с неуважением... возбуждали отвращение к своим предрассудкам, как... всякое варварство, или казались смешными, как бывает с... невежеством» (9,560). Маленькое практическое действие убедительнее самых высо-

ких слов: «...В деле, которое вы защищаете вашим телом и вашим поведением, это чрезвычайно важно...» (9,557). В дальнейшем писатель реализует эту программу в образах собственных героинь: Елены Жиглинской, решившейся родить ребенка без мужа, и Марьи Николаевны («Красавец»), порвавшей с богатым супругом ради осужденного возлюбленного и последовавшей вместе с сыном за ним в Сибирь. Последняя добивается своим искренним поведением искоренения предрассудков в отдельно взятом «городке П.». После ее поступка реплика недоумевающего обывателя: «Но как хотите... за отца, брата, мужа, но за любовника...» – возбуждает у собеседника снисходительную улыбку (7,399).

Писемский каждый раз «проверяет» ситуацию появлением ребенка. Только это, в его глазах, способно окончательно оправдать влюбленных и из непрочной связи вырастить настоящую семью. Писатель советует Наташе не отстранять Комлева от житейских будней, «обнаружить больше чувствительности к... сыну и навязать его попечению... благоразумно-безрассудного поклонника...» (9,560). Нетрудно заметить, что образ мыслей Писемского перекликается с раздумьями Толстого, нарисовавшего трагедию Анны Карениной, спровоцированную, среди прочего, равнодушием Вронского к маленькому Сереже.

Попутно Писемский высказывает свою точку зрения на еще один принципиальный вопрос – о мотивах человеческого поведения. Он проводит резкий водораздел между книжной ученостью и подлинной смелостью или даже естественностью поведения. Рецензент полагает, что героиня Авдеева изначально «не подготовлена к подвигу», хотя и просветила себя изучением новейших теорий: «...Из книг, которые вы читали, самое видное место принадлежит, без сомнения, романам Жорж-Занда; но... этого еще мало, чтобы вы могли нажать такое смелое убеждение, которое вы обращаете такое отважное поведение» (9, 558–9). Писемский резко разграничивает естественные побуждения и изломанные страсти просвещенных интеллигентов: «Спросите у влюбленных по непосредственному, собственному чувству, а не по указанию какого бы то ни было автора, – так ли они чувствуют» (9,559).

В рассуждениях о браке применительно к своей стране и настоящей эпохе Писемский вполне самостоятелен. Гораздо более осторожности он проявляет, переходя к обоснованию теории брака вообще. Еще Чернышевский обратил внимание, что писатель очень щепетилен и не решится писать о том, в чем досконально не осведомлен – «как человек очень умный, г. Писемский никогда и не вздумает писать рассказы из бразильской жизни, в этом можно быть уверены»¹⁵. В данном случае русский писатель предпринимает обширную выписку из трудов «одного из сильнейших мыслителей нашего времени», «гениального мыслителя» (9, 549) Огюста Сен-Бева. Удивительно

стремление Писемского даже такое, по-видимому, новейшее явление как появление иных форм брака, возвести к традиции. В данном случае Писемский, с опорой на Сент-Бева, отыскивает исток гражданского брака в античные времена (сожительство героя с пленницей), ссылаясь на образы Бризеиды («Илиада» Гомера), и Дидоны («Энеида» Вергилия). При этом безусловное превосходство и божественная высота брака не подвергаются никакому сомнению: «Если Дидона плачет и сокрушается, обвиняя сама себя, то она плачет и сокрушается не о своих погибших наслаждениях ...; она горюет о невозможности брака...»(9,550). Недостаточная нравственная высота, по мнению русского писателя, более, чем бытовые соображения, может стать препятствием на пути достижения этого «идеала» человеческих отношений.

Писемский разделяет гипотезу французского мыслителя, что Вергилия заставила обратиться к низшим формам сожительства, «терпимой, но не узаконенной любви», исчерпанность Гомером темы идеального брака. Но и в этом случае, подчеркивает Писемский, нет и речи о том, чтобы уравнивать их между собой – напротив: «воспользовавшись всем, что только страсть и угрызения представляют... трогательного, трагичного и вместе идеального», поэт стремится «показать... бездну, которая разделяет достославную светлость супруги от наслаждений подспудной любви»(9,550). Но, как с иронией отмечает Алексей Феофилактинович, «цивилизация шла вперед». И вот «новый поэт» (Авдеев) «не преминул», следуя за Вергилием в поисках новых положений, обратился к теме «подспудной любви», но уже с тем, чтобы «поднять ее до высоты и торжественности брака». О том, что подобное смешение для писателя неприемлемо, говорит ироническое сравнение авдеевской Наташи и Дидоны Вергилия (отнюдь не в пользу первой): «Дидона г. Авдеева... не знает никаких угрызений (*совести* – О. Т.)... она самым крайним образом расходится во вкусах с карфагенской царицей» (9,552). Писемский постоянно имеет в виду высокие идеалы, не подверженные времени; но как писатель-реалист ни на минуту не забывает будни страны и общества, в котором живет и творит. До тех пор, пока «новые люди» не в состоянии представить обществу убедительные примеры состоявшихся, воспитывающих детей пар, их громко провозглашаемые призывы построить жизнь на справедливых началах – не более чем греховное искушение молодежи этикой «свободной любви».

Статья помогает подтвердить некоторые из основ поэтики Писемского. Так, наиболее презируемым им персонажем является благородный и, на первый взгляд, безукоризненный Соковнин – именно потому, что не делает ничего – ни хорошего (он должен был, по убеждению Писемского, настоять на браке Наташи с Комлевым), ни даже «плохого», но искреннего порыва (не пускать на

порог жену-изменщицу). Писатель всегда более склонен понять и оправдать в своих героях непосредственный порыв, нежели «вычитанные», модные идеи, которые при перенесении в реальную жизнь порой превращаются в карикатуру и насмешку. В этом истоки сочувствия к Анне Павловне или Марье, и в то же время карикатурного развенчания эмансипе Юлии Живинной и ее возлюбленного, «господина Клоповского» («Люди сороковых годов»).

Таким образом, критическая позиция Писемского непосредственно вытекает и продолжает его мнения, выраженные в художественных образах. Его героини, как и истолкование им чужих образов, в полной мере отражают мировоззрение писателя переходной эпохи. Это стремление органично сочетать требования строгой христианской морали, основанной, как мы доказали, на религиозных и литературных авторитетах, – с требованием свободы личности и «женских прав». Очевидное противоречие писатель преодолевает, апеллируя к рассмотрению непосредственного случая супружеского «подводного камня», к выяснению степени нравственной зрелости конкретной женщины. Если героиня нравственно несамостоятельна, брак дарует ей внутреннюю гармонию и защиту от упреков общества. Взвзвывая на себя ответственность, отвергнув опору в Боге, обязана идти до конца. Писемский верит как в силу непосредственного порыва, так и в правоту увлеченности «новыми идеями». Оба этих пути к новому браку противостоят самой пагубной для современного общества опасности – книжной подражательности. Взгляд писателя, безусловно, уязвим в сравнении с уверенностью последователей Жорж Санд и Чернышевского или же убежденных противников эмансипации. Ценность его – в приближении к образу мыслей «простого человека»¹⁶, непосредственного участника событий, стремящегося сохранить гармонию взглядов в условиях рушащихся идеалов.

Примечания

- ¹ Ряд работ, опубликованных в период редакторства А. Ф. Писемского в журналах «Библиотека для чтения» (1860) и «Искусство» (1860, июль – декабрь) атрибутируется ему предположительно. См.: *Клеман М., Могилянский А.* Об издании журнала «Библиотека для чтения» // Писемский А. Письма. М.; Л., 1936. С. 333.
- ² См.: *Писемский А.* Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Часть вторая // Отечественные записки. 1855. № 10. Отд. 3. С. 57–76.
- ³ См.: *Манькова Л. А.* Ф. Писемский – драматург : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 14.
- ⁴ См.: Об издании журнала «Библиотека для чтения» в 1861 году // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 248, 13 ноября; Об издании в 1862 году журнала

- «Библиотека для чтения» // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 229, 17 октября.
- ⁵ См.: *Писемский А.* Мысли, чувства, воззрения, наружность и краткая биография статского советника Салатушки // Библиотека для чтения 1861. № 1. Отд. фельетон. С. 1–9; № 2. С. 1–6; № 3. С. 35–40; Фельетоны Никиты Безрылова // Библиотека для чтения 1861. № 12. Отд. фельетон. С. 1–5; 1862. № 1. С. 112–114; № 2. Отд. фельетон. С. 149–156.
- ⁶ См.: *Писемский А.* Подводный камень г. Авдеева // Библиотека для чтения. 1861. № 2.
- ⁷ См.: *Некрасов Н.* Заметки о журналах. Октябрь 1855 // Современник. 1855. № 11. Отд. 5. С. 78–81.
- ⁸ См.: *Еремин М.* Писемский – драматург // Писемский А. Пьесы. М. 1958. С. 5–35; *Лакшин В.* Спор о Писемском-драматурге // Театр. 1959. № 4. С. 94–97; *Манькова Л.* Указ. соч.
- ⁹ См.: *Клеман М., Могиланский А.* Судьба литературного наследия Писемского; Приложения // Писемский А. Письма. М.; Л., 1936. С. 3–20, 827–834.
- ¹⁰ *Писемский А.* Собр. соч. : в 9 т. М., 1959. Т. 1. С. 281.

В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

- ¹¹ *Цебрикова М.* Гуманный защитник женских прав // Отечественные записки. 1870. № 20. Отд. 2. С. 228.
- ¹² См.: *Аннинский Л.* Сломленный. Повесть о Писемском // Аннинский Л. Три еретика. М., 1983. С. 40.
- ¹³ См.: *Рошаль А.* Писемский и русская революционная демократия. Л., 1973.
- ¹⁴ См.: *Синякова Л.* Проза А. Ф. Писемского в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг. : проблемы художественной антропологии : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2009. С. 28–29.
- ¹⁵ *Чернышевский Н.* Очерки из крестьянского быта // Чернышевский Н. Литературная критика : в 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 64.
- ¹⁶ На ценность критических и художественных свидетельств Писемского как отражение образа мыслей «простого человека» указал Анненков (См.: *Анненков П.* Художник и простой человек // Анненков П. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 495–496.

УДК 821.161.1.09+37.091.214+929 Пиксанов

«ПУШКИНСКАЯ СТУДИЯ» (1921) Н. К. ПИКСАНОВА: ИЗ ИСТОРИИ ЖАНРА «СЕМИНАРИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ

М. С. Кислина

Саратовский государственный университет
E-mail: mariyakislina@rambler.ru

Статья посвящена первому персональному семинарию «Пушкинская студия» Н. К. Пиксанова. Предлагается краткий очерк из истории жанра семинария.

Ключевые слова: Пиксанов, пушкинистика, семинарий.

**«Pushkin's Studio» (1921) by N. K. Pksanov:
From the History of the «Workshop» Genre in the Russian
University Tradition**

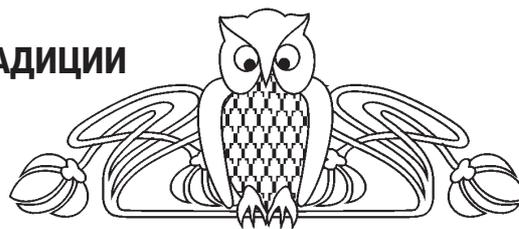
M. S. Kislina

The article is dedicated to the first personal workshop «Pushkin's Studio» by N. K. Pksanov. A short review is provided on the history of the workshop genre.

Key words: Pksanov, Pushkin's studies, workshop.

Зарождение жанра семинария, имеющего вековую историю, связано с именем выдающегося литературоведа, первого профессора русской литературы Саратовского государственного университета – Николая Кирияковича Пиксанова.

Труды Н. К. Пиксанова открывают хронологический список семинариев по русской литературе XIX в., опубликованный в приложении к монографии А. И. Барсука «Печатные семинарии по русской литературе (1904–1963)» (1964): «Семинарий по русской литературе под руководством

Н. К. Пиксанова» (1909), «Семинарий по новой русской литературе под руководством Н. К. Пиксанова» (1910), «Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская» (1912, 1913). Первым персональным семинарием является «Пушкинская студия», изданная в 1921 г. в Саратове. Годом позже этот научно-вспомогательный труд был переиздан в Петрограде.

Спустя десятилетия в исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что «Пушкинская студия» «представляет исторический интерес как первый опыт персонального семинария»¹. Многочисленные отсылки к семинарию Пиксанова встречаем в последующих пушкинских семинариях – Б. С. Мейлаха и Н. С. Горницкой (1959)², Л. Г. Фризмана (1995)³. В фундаментальном коллективном труде «Пушкин: итоги и проблемы изучения» (1966) семинарий Н. К. Пиксанова оценивается как «устаревший»: «Библиография в этой книге, характеризующая состояние пушкиноведения в 1921 году, устарела, как устарели и многие темы и вопросы к ним, но все же и сейчас в ней можно найти полезные сведения»⁴. Вряд ли можно спорить с тем, что даже самые тщательные библиографические подборки полвека спустя окажутся «устаревшими», да и то лишь хронологически, а не содержательно. Что же касается